
Е. Н. ЯРКОВА

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ИНСТИТУТ

Статья посвящена выявлению роли исторического опыта в социальном бытии. Автором выделяются три типа восприятия исторического опыта: исторический идеализм, исторический нигилизм, исторический реализм. Предложенная типологическая триада рассматривается как инструмент анализа общественного сознания, степень развития реалистического отношения к историческому опыту – как индикатор способности общества к саморазвитию. Делается вывод о дефиците исторического реализма в современном российском социуме.

Ключевые слова: исторический опыт, исторический идеализм, исторический нигилизм, исторический реализм, рефлексия, диалектика.

Социокультурный институт – емкое понятие. В самом общем смысле оно может быть определено как совокупность социальных норм и культурных образцов, с помощью которых поддерживаются существование и преемственность социальных структур. Исходя из этой дефиниции, в качестве одного из социокультурных институтов можно позиционировать исторический опыт общества. Последний можно репрезентировать как определенную ценностно-смысловую (нормативную) систему, так или иначе регулирующую социальные отношения, влияющую на принятие социально значимых решений, выступающую в качестве важнейшего элемента социализации и социальной идентификации личности.

Под историческим опытом, как представляется, следует понимать бытующие в обществе представления о прошлом, которые могут «отливаться» как в форму иррациональных мифологических образов, так и в форму рационального логико-понятийного знания. В. В. Алексеев определяет исторический опыт как «концентрированное выражение социальной практики прошлого и функционирования социума в окружающей среде, ориентированное на выявление закономерностей общественного развития, на получение

знаний, обеспечивающих повышение обоснованности решений проблем современности»¹. Важно понимать, что исторический опыт – не просто мемориальный экспонат, он – стратегический ресурс общества, помогающий решать насущные проблемы, формировать эффективные программы жизнедеятельности. Исторический опыт является необходимым составным элементом общественной жизни, вместе с тем его роль (функция) в социуме может быть разной: он может выступать как главный голос или как подголосок в сложной фактуре социального бытия; он может быть силой, консолидирующей общество, или силой, разобщающей его; наконец, исторический опыт может служить стимулом саморазвития общества или тормозом, блокирующим такого рода саморазвитие. Роль исторического опыта в обществе определяется в первую очередь бытующим в этом обществе отношением к нему.

Существуют, как представляется, три основные позиции относительно восприятия исторического опыта, обозначим их как исторический идеализм, исторический нигилизм, исторический реализм.

Исторически первичной по отношению к историческому опыту является позиция исторического идеализма. Суть этой позиции заключается, во-первых, в мифологизации культурного опыта, в результате которой историческое знание отрывается от реальности, «отливается» в форму эмоционально окрашенных образов; во-вторых, в его сакрализации, связанной с осмыслением исторического опыта как знания священного, культового; в-третьих, в идеализации исторического опыта, выраженной в его абсолютизации как знания совершенного, вечного, неизменного, непогрешимого и не подлежащего ревизии. Идеализация исторического опыта оборачивается его превращением в некую закрытую ценностно-смысловую систему, как правило, ограничивающую исторический горизонт событийным рядом, ассоциирующимся с эпохой золотого века.

Исторический идеализм – позиция не критическая, но апологетическая, не рациональная, но эмоциональная, ее сторонникам присуще стремление экстраполировать исторический опыт на современность, квалифицируя его как свод образцов, эталонов поведе-

¹ Алексеев В. В. Исторический опыт как предмет изучения // XVIII Международный конгресс исторических наук. Монреаль – Екатеринбург, 1995. – С. 6.

ния и деятельности. Исторический идеализм – атрибут традиционной культуры, мировоззренческую основу которой составляет отношение к миру как к незыблемому условию существования человека, как к набору требований, которым необходимо соответствовать. В сущности, эти требования и есть не что иное, как традиция, а последняя, в свою очередь, есть некоторый застывший, концентрированный и сублимированный исторический опыт. Например, Э. С. Маркарян определяет культурную традицию как выраженный в социально организованных стереотипах групповой опыт, который путем пространственно-временной трансмиссии аккумулируется и воспроизводится в различных человеческих коллективах². У М. Мид синонимом традиционной культуры выступает постфигуративная культура, которая характеризуется как культура, которой чужды осознанность и сомнения относительно имеющегося исторического опыта, принимаемого как незыблемый постулат: «Прошлое взрослых оказывается будущим каждого нового поколения; прожитое ими – это схема будущего для их детей»³. Исторический идеализм родом из культурной архаики. Архаическому человеку присуща боязнь утраты наработанных веками стратегий жизнедеятельности, которые превращаются в не подлежащие каким-либо изменениям каноны, догмы, стандарты. Традиционализм редуцирует культуру как таковую к историческому опыту – все, что находится вне этого опыта, оценивается либо как антикультура, то есть нечто аномальное, отклоняющееся от нормы, либо как некультура, то есть нечто, вообще не имеющее отношения к человеческим способам бытия.

На уровне отдельного индивида присущая традиционной культуре идеализация исторического опыта всегда проявляется некоей ригидностью мышления, когда новые люди рассматриваются как двойники уже ранее встречавшихся людей, новые ситуации квалифицируются как копии неких прошлых ситуаций, соответственно способы решения проблем, построения тех или иных отношений всегда стереотипны. Всецелая поглощенность человека историческим опытом невероятным образом сужает его мировосприятие, сводя все увиденное и услышанное к неким хранящимся в памяти

² Маркарян Э. С. Узловые проблемы теории культурной традиции // Советская этнография. – 1981. – № 2. – С. 80.

³ Мид М. Культура и мир детства. Избранные произведения. – М., 1998. – С. 322.

мифологизированным образам, а все, что так или иначе не совпадает с ними, просто отбрасывается как несущественное. Этот феномен можно определить как своего рода культурное дежавю – восприятие настоящего как прошлого. Именно такое состояние описывает М. Элиаде, утверждающий, что архаический человек наделяет реальностью, значимостью и смыслом только те предметы и действия, которые причастны к сакральной, мифологической реальности. Исследователь указывает, что фундаментальное различие между человеком архаических цивилизаций и современным человеком состоит в том, что последний придает все большую ценность «новшества», которые для человека традиционной культуры были либо незначительной случайностью, либо нарушением нормы, следовательно, «ошибкой», «грехом», в силу чего их следовало периодически «изгонять», «упразднить»⁴.

Исторический идеализм – чрезвычайно стойкая позиция не только потому, что человеку, помимо всего прочего, свойственно идеализировать прошлое, но и потому, что эта позиция не требует значительных нравственных и интеллектуальных усилий. Ф. Ницше метафорически изображает эту труднопреодолимую зависимость человека от прошлого: «...человек... навсегда прикован к прошлому; как бы далеко и как бы быстро он ни бежал, цепь бежит вместе с ним»⁵. Однако идеализация исторического опыта в нашем непрерывно развивающемся и изменяющемся мире бесперспективна – попытки втиснуть новое содержание в прокрустово ложе старых форм рано или поздно оборачиваются саморазрушением.

Нигилистическая позиция по отношению к историческому опыту характеризуется направленностью на его отрицание, отвержение. В крайнем своем проявлении исторический нигилизм выражается в стремлении предать забвению целые исторические эпохи как неправильные, ошибочные. В таком контексте исторический опыт понимается как ненужный груз, как рудимент, отягощающий бытие человека и общества. Одним из апологетов нигилистического отношения к историческому опыту был Ницше, который полагал, что избыток «исторического», превращающего человека в эпи-

⁴ См.: Элиаде М. Миф о вечном возвращении. – М., 1998.

⁵ Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни / Ф. Ницше // Соч.: в 2 т. – М., 1990. – Т. 1. – С. 161.

гона прошлого, есть «историческая болезнь», одним из лекарств против которой является «неисторизм» – искусство и способность забывать прошлое⁶.

Нигилизм не идентифицируется с тем или иным типом культуры, в радикальном своем выражении он – явление по определению маргинальное, финалистское, упадническое, связанное с кризисом, девальвацией сложившихся ценностей, идеалов, норм, культурным декадансом. Нигилизм – атрибут межцивилизационной эпохи, когда осуществляется «полный демонтаж предшествующей цивилизации»⁷. Вместе с тем нигилистическое отношение к миру, на наш взгляд, связано не с мироотрицанием, но с отрицанием исторически сложившихся в том или ином обществе представлений о ценностных основаниях мира, то есть в конечном счете отрицанием исторического опыта. Именно так понимает нигилистическое отношение к миру М. Хайдеггер: «Нигилизм есть процесс обесценки прежних верховных ценностей. Когда эти верховные, впервые придающие ценность всему сущему ценности обесцениваются, лишается ценности и опирающееся на них сущее. Возникает ощущение неценности, ничтожества всего»⁸.

Нигилизм есть разложение, распад сложившегося в культуре ценностного порядка, хаотизация культуры. Разумеется, из нигилистического хаоса может впоследствии вырасти новый порядок, поэтому нигилизм можно рассматривать как некую предпосылку ценностного созидания, творчества, тем не менее последнее лежит уже за пределами нигилизма. Конечно, данная точка зрения отличается от сложившихся в философии, в частности от точки зрения Ф. Ницше, М. Хайдеггера, усматривающих в «классическом нигилизме» феномен, связанный не только с отрицанием прежних ценностей, но и с полаганием новых⁹. Нечто подобное можно обнаружить у современных исследователей, различающих деструктивный и конструктивный нигилизм и утверждающих, что нигилизм есть «фактор, преобразующий культуру и общество»¹⁰. Однако если

⁶ Ницше Ф. Указ. соч. – С. 227–228.

⁷ Павлов А. В. Цивилизация и межцивилизационная эпоха // Вестник Пермского университета. – Серия «Философия. Психология. Социология». – 2012. – № 3(11). – С. 21.

⁸ Хайдеггер М. Европейский нигилизм / М. Хайдеггер // Время и бытие: Статьи и выступления. – М., 1993. – С. 79.

⁹ Там же. – С. 65.

¹⁰ См.: Мосиенко Л. И. Нигилизм как фактор социокультурного развития: дис. ... канд. филос. наук. – Омск, 2003.

следовать строгой логике, нигилизм есть установка на отрицание, разрушение, но не на утверждение и созидание, креативной направленности в нем нет и быть не может. Ведь, в сущности, исторический нигилизм – это негация исторического идеализма, его антитеза. Исторический опыт в нигилистическом измерении предстает как антиидеал, антиценность. Вместе с тем нельзя определить нигилизм как бессмыслицу – отрицание ценностей отнюдь не ведет к образованию смыслового вакуума. Напротив, посредством этого отрицания формируются некие смысловые единицы, расширяющие сложившиеся представления о мире, тем самым раздвигающие границы исторического опыта. Нигилистическое отрицание создает прецедент критического отношения к историческому опыту. Разумеется, эту критику трудно назвать конструктивной, более того, зачастую она не содержит аналитической, а тем более рефлексивной установки, однако именно в пространстве нигилистического отношения к историческому опыту происходит переход от безоговорочной апологетики к критике и частичной ревизии исторического опыта, его пересмотру. О критическом отношении к истории пишет Ф. Ницше: «Человек должен обладать и от времени до времени пользоваться силой разбивать и разрушать прошлое, чтобы иметь возможность жить дальше; этой цели достигает он тем, что привлекает прошлое на суд истории, подвергает последнее самому тщательному допросу и, наконец, выносит ему приговор...»¹¹

Тем не менее исторический нигилизм в его радикальном виде социально неконструктивен, поскольку делает человека и общество совершенно безоружными перед лицом возникающих проблем. Отрицание исторического опыта оборачивается превращением метода проб и ошибок в универсальную стратегию решения проблем, а эта стратегия далеко не всегда эффективна. Кроме того, застывший, затвердевший нигилистический хаос может превратиться в некий порядок, составляющий смысловую ткань бытия. На уровне общества это означает выход на тупиковую ветвь эволюции, то есть социальный регресс, превращающий общество в толпу.

Присущий нигилизму негативизм особо выпукло предстает в личностно-психологическом плане. Например, В. Райх определял нигилизм как «невроз характера», «броню характера», присущую

¹¹ Ницше Ф. Указ. соч. – С. 178.

личностям патологической организации¹². Современная психология трактует нигилизм как один из механизмов психологической защиты – неотрефлексированную установку на акцентированное отрицание устоявшихся социокультурных норм, правил с целью демонстрации своей уникальности¹³. Отрицание всех авторитетов – способ доказательства своей значимости, осознанное или бессознательное стремление к удовлетворению потребностей в уважении со стороны других, признании, достижении успеха, высокой оценке. Однако индивидуальный нигилизм в отличие от социального более стоек и жизнеспособен, поскольку он не является нигилизмом в чистом виде, он фундирован осознанным или неосознанным утилитаризмом, так как отрицание является для него не целью, но средством самоутверждения¹⁴.

В сущности, идеализм и нигилизм по отношению к историческому опыту можно рассматривать как две стороны одной медали. Исторический идеализм несет в себе мощный заряд нигилизма, поскольку, абсолютизируя прошлое, он отторгает настоящее и будущее. Исторический нигилизм, в свою очередь, содержит потенции идеализма, поскольку, отторгая прошлое, идеализирует настоящее и будущее. Соответственно исторический идеализм и исторический нигилизм – полярные позиции, которые могут инверсионно меняться местами, то есть на смену идеализации исторического опыта приходит его нигилизация и наоборот.

Исторический реализм – срединная, «снимающая» противостояние исторического идеализма и исторического нигилизма позиция по отношению к историческому опыту. Сама логика реалистического осмысления исторического опыта имеет диалектическую природу – реализм рождается в результате взаимопроникновения идеализма и нигилизма, их синтеза, при этом синтез представляет собой нечто большее, нежели простое наложение идеализма и нигилизма, он являет собой выход в новое ценностно-смысловое пространство, то есть полагание новых ценностей.

¹² См.: Райх В. Посмотри на себя, маленький человек! – М.: Мир гештальта, 1997.

¹³ Павленко Н. Г. Негативное самопредъявление и демонстративный нигилизм как отражение социальной ситуации развития личности // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). – 2012. – № 12(20) [Электронный ресурс]. URL: www.sisp.nkras.ru.

¹⁴ См.: Яркова Е. Н. Утилитаризм как стимул самоорганизации культуры и общества // Общественные науки и современность. – 2002. – № 2. – С. 88–101.

Реалистическое отношение к историческому опыту характеризуется актуализацией критико-аналитического подхода к историческому опыту. Последний возникает в результате развития рефлексии – «способности мышления сделать своим предметом мышление» (К. Ясперс), то есть особой способности подняться над своим историческим опытом и посмотреть на него с критико-аналитической высоты. В такой перспективе исторический опыт предстает как важнейший ресурс выживания общества, к которому прибегают в процессе конструирования эффективных стратегий жизнедеятельности. Основным принципом такого рода конструирования является принцип поиска некоторой «золотой середины», меры между традицией и новацией, прошлым и будущим, историческим опытом и современностью. Причем этот поиск – не разовая акция, а устремленный в будущее процесс. А. С. Ахиезер рассматривает критику исторического опыта как аспект самой истории, связанный с пересмотром целей и условий человеческого развития на изменение субъекта истории, его воспроизводственных функций. Такого рода критика, в его видении, в конечном счете нацелена на движущие силы истории, на массовую деятельность, соответствующую ей культуру, уровень и масштабы творчества¹⁵.

В рамках реалистического отношения к историческому опыту «снимается» представление о противостоянии прошлого, настоящего, будущего. Реалистическое отношение к историческому опыту присуще культуре креативного типа, в рамках которой мир осмысливается как высшая ценность и цель созидательной деятельности человека. Мировоззренческую основу для такого рода мировосприятия задает концепция ноосферы, в рамках которой человеческий разум манифестируется как созидательная, изменяющая облик нашей планеты и ближайшего космоса сила, которая призвана реконструировать биосферу в интересах мыслящего большинства¹⁶.

Такого рода мировосприятие лежит у истоков творческого отношения к историческому опыту, который рассматривается не как жесткая конструкция, в которую необходимо вписаться или которую следует разрушить, но как некие строительные леса, создаю-

¹⁵ Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). – Т. II. Теория и методология. Словарь. – 2-е изд., перераб. и доп. – Новосибирск, 1990. – С. 242.

¹⁶ См.: Вернадский В. И. Живое вещество и биосфера. – М., 1990.

щие опору для творческого созидания, без которой творчество выродилось бы в пустое бесплодное фантазирование. Как представляется, именно творческое отношение к историческому опыту проповедует Ф. Р. Анкерсмит, выдвигающий понятие «возвышенный исторический опыт». Последний, в его видении, являет собой парадоксальное единство памятования и забвения, отторжения и удержания прошлого: «Возвышенный характер исторического опыта происходит из этого парадоксального союза чувств любви и утраты, то есть из сочетания удовольствия и боли, определяющего наше отношение к прошлому»¹⁷.

В личностно-психологическом плане творческое отношение к историческому опыту выражается в первую очередь в активной позиции по отношению к реальности, а не в бегстве от нее; в стремлении к изучению исторического опыта, а не в слепом подчинении ему; в способности решать возникающие проблемы, не прибегая к различного рода психологическим защитами; наконец, в ориентации на личностный рост и самоактуализацию. Самоактуализация, по А. Маслоу, есть реализация творческого потенциала личности – ее способностей, возможностей, талантов, достижение личностной зрелости и психологического здоровья¹⁸. Понятие «креативная культура» отчасти коррелирует с понятием «префигуративная культура», введенном М. Мид, которая рассматривает последнюю как культуру, ориентированную на будущее, на диалог поколений, когда не только молодежь учится у старших, но и более взрослое поколение во все большей степени прислушивается к молодежи¹⁹.

Итак, исторический идеализм, исторический нигилизм, исторический реализм – типологическая триада, которую можно рассматривать как инструмент анализа общественного сознания, направленный на выявление жизнеспособности того или иного общества, его потенциалов к саморазвитию, самоорганизации. В сущности, наличие или отсутствие в том или ином обществе реалистического отношения к историческому опыту является важным индикатором способности этого общества к саморазвитию. И наоборот, заикливание общества на идеалистически-нигилистическом отношении

¹⁷ Анкерсмит Ф. Р. Возвышенный исторический опыт. – М., 2007. – С. 30.

¹⁸ См.: Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы. – М., 1999.

¹⁹ Мид М. Указ. соч. – С. 355–361.

к историческому опыту свидетельствует о социальной стагнации или даже социальном регрессе. Разумеется, при этом не следует забывать, что исторический опыт общества несводим к коллективному историческому опыту – в рамках коллективного исторического опыта существует индивидуальный исторический опыт. Исторический опыт общества складывается из исторического опыта его членов, поэтому он не гомогенное, но гетерогенное образование²⁰. Примером этому может служить современное российское общество, историческая память которого и само отношение к историческому прошлому неоднородны. В современном российском обществе преобладают две позиции относительно оценки прошлого – исторический идеализм («лакировочная» установка) и исторический нигилизм (очернительская установка). Особенно это касается советского прошлого: одни считают советский период «темными веками», потерянным временем, советскую власть – антинародной, тоталитарной, практикующей политику геноцида по отношению к собственному народу; другие рассматривают советский период как «золотой век», советскую власть – как воплощение гуманности, социальной справедливости и свободы. Соответственно одни склонны гордиться советским прошлым, а другие призывают покаяться в «грехах», совершенных в этот период. Причем эти позиции могут невероятным образом меняться местами, тогда как сам дуализм в оценке прошлого остается неизменным. Собственно говоря, склонность россиян к дуализму в оценке различных явлений отмечал еще Н. А. Бердяев, который много писал о дуализме русского характера и его пагубном влиянии на историческую судьбу народа. Он утверждал, что свойственная самосознанию россиян противоречивость ведет к тому, что Россия живет «неорганической жизнью», в ней отсутствуют целостность и единство²¹. И сегодня Россия часто рассматривается как расколотое общество, причем речь идет о внутреннем ментальном расколе, антиномичности как черте национального характера. Главная проблема России – неразвитость «срединной культуры». По определению А. С. Ахиезера, «срединная культура» – это «культурная инновация, новые смыслы, полу-

²⁰ См.: Беспалова Ю. М. Возможности применения экзистенциальной парадигмы в науке о родословии // Проблемы сохранения исторической памяти. Десятые тюменские родословные чтения: материалы всероссийской научно-практической конференции. 27–28 сентября 2013 г.: сб. / под ред. А. И. Бакиной. – Тюмень, 2013. – С. 27–30.

²¹ Бердяев Н. А. Душа России. – М., 1990. – С. 5–14.

ченные в результате медиации, в результате преодоления различий дуальной оппозиции в осмысляемом предмете, поиска новой меры между смыслами полюсов посредством творческого наращивания нового содержания культуры, выхода за рамки исходной оппозиции... Все новое содержание культуры, новые смыслы формируются через формулирование молекул культуры, через срединную культуру»²². Незрелость «срединной культуры» проявляется в первую очередь в дефиците реалистического отношения к историческому опыту, дефиците рефлексии, причем не только в массовом сознании, но и в представлениях интеллектуальной элиты, которая, помимо всего прочего, может склоняться к нигилистическим или идеалистическим интерпретациям истории, следуя конъюнктурным соображениям. В этом плане справедливым представляется замечание И. А. Гобозова о том, что «многие историки из конъюнктурных соображений начинают переписывать историю, идут на сделку с совестью, забывают о кодексе чести ученого, о научной беспристрастности, искажают факты, события, делают все для того, чтобы понравиться власти имущим. Труды таких историков не имеют никакой научной ценности, но они обслуживают правящие круги, и те награждают их соответствующим образом»²³.

Дуализм исторического сознания россиян, незрелость реалистической позиции по отношению к историческому прошлому делает проблематичным выход российского общества к новым, отвечающим требованиям современности уровням его самоорганизации. Преодоление заикленности на идеалистически-нигилистическом восприятии исторического опыта в конечном счете есть задача одновременно нравственная, политическая, экономическая и т. д.

Как представляется, в ее решении особая роль принадлежит отечественной интеллектуальной, творческой элите. Например, А. П. Давыдов определяет классическую русскую литературу как значимый анклав становления продвинутой «срединной культуры» в России, он рассматривает творчество А. С. Пушкина как начало осмысления русской истории с позиций «срединной культуры»²⁴.

²² Ахиезер А. С. Указ. соч. – С. 488.

²³ Гобозов И. А. История и мораль // Научно-энциклопедический портал Russika.Ru. – 31 мая 2012 г. – С. 5. [Электронный ресурс]. URL: www.russika.ru/userfiles/adm_1338433714.pdf.

²⁴ См.: Давыдов А. П. «Духовной жаждой томим». А. С. Пушкин и становление «срединной культуры» в России. – М., 1999.

Не менее значима роль в решении этой задачи представителей отечественной исторической науки, поскольку именно они имеют решающий голос в процессах формирования исторического мировоззрения масс: «У каждого народа формируется определенный архетип на протяжении всей его истории, и пока есть этот архетип, народ продолжает жить и работать. Но формирование архетипа невозможно без исторической памяти, а наличие этой памяти во многом зависит от историков. Если они представляют историю как цепь сплошных ошибок и преступлений предыдущих поколений, то у нового поколения сформируется исключительно негативное отношение к собственному прошлому. И это новое поколение, в конце концов, растворится в других народах. Поэтому на историках лежит огромная ответственность по формированию исторического мировоззрения»²⁵.

* * *

Подводя итог нашим рассуждениям об историческом опыте, типах его восприятия, о созидательной роли реалистического, но не идеалистического или нигилистического восприятия исторического опыта, можно констатировать, что исторический опыт, конечно, не книга полезных советов и не путеводитель по лабиринтам бытия, скорее его можно обозначить как знание, информацию относительно общих закономерностей бытия того или иного народа и человечества в целом. Эта информация ценна еще и тем, что она в той или иной мере способствует прокладыванию путей в будущее, открывает возможности его моделирования²⁶. Последнее представляется чрезвычайно важным, поскольку «предугадать хоть в какой-то мере будущее – значит иметь возможность повлиять на него. Фактически завтра выиграет тот, кто окажется лучшим футурологом»²⁷. Разумеется, моделирование будущего достижимо лишь при условии реалистического отношения к историческому опыту. Только такое отношение к нему является залогом выполнения главной функции исторического опыта как социокультурного института – функции обеспечения выживания общности.

²⁵ Гобозов И. А. Указ. соч. – С. 6.

²⁶ Ларин Ю. В. Проблема будущего в проекции природы человека // Социум и власть. – 2012. – № 2. – С. 119–123.

²⁷ Гринин Л. Е. Россия – философская держава // Философия и общество. – 2005. – № 3. – С. 199.